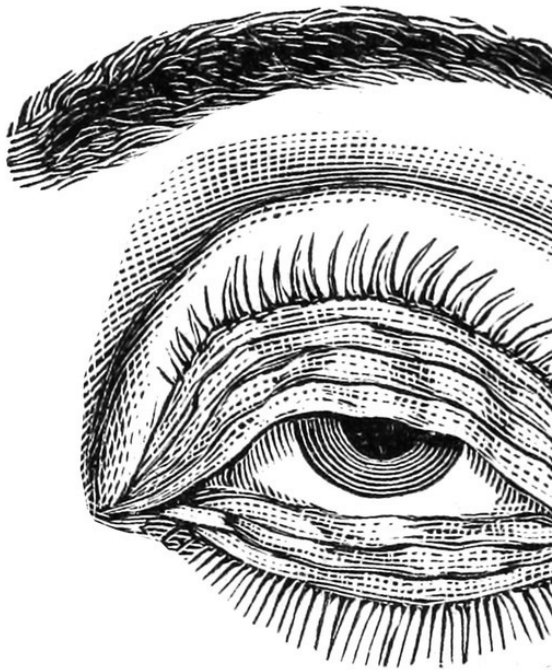

НОВАЯ ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ ИЛЬЕНКОВ

В
Е
К
О

издательский дом

Выбор Сенчина

Андрей Ильенков

Веко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24612076

ISBN 9785448537820

Аннотация

Андрей Ильенков больше известен как прозаик и исполнитель одной из главных ролей в фильме «Страна ОЗ». Но в первую очередь он необыкновенный – добрый и одновременно жутковатый – поэт. И этой поэзией пропитана и его проза (в первую очередь «Несгибаемая рота, или Сны полка», «Ещё о женщинах»), и сценарии, и кинороль. Книга «Веко», которая ждала издания много лет, надеюсь, станет событием нашей литературной жизни.

Содержание

От себя	6
Детский ад	9
«Я встал сегодня как обычно...»	9
«В эту ночь не уместиться...»	11
Стрядания	12
Оккупация	14
Сенокос	16
Весна	17
«Иду по листьям будто...»	18
«Вот две копейки – простая медяшка...»	19
Прощание	20
Железная дорога	21
Фортуна	24
Отрывок, взгляд и нечто	26
Эпизоот	29
Революция №999	31
«Нам у мамы химии...»	31
Утреннее	33
Запоздалое признание	34
Поджелудочный мир	35
«Право на любовь записано...»	37
Козлиная песня	39
Только	41

Благовещение	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Веко

Андрей Ильенков

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Андрей Ильенков, 2017

ISBN 978-5-4485-3782-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От себя

Книга «Веко» была составлена летом 1991 года. Подразумевалось, что в нее войдут лучшие стихи, написанные к началу того года. Я как составитель сразу взял несколько круто в сторону от себя как автора, и тогда в этом действительно усматривалось нечто шизоидное, ведь дело не ограничилось простым раздвоением личности. И заранее условленное число стихотворений (сто двадцать пять как осьмушка от тысячи положенных быть написанными), из которых было готово в лучшем случае полсотни, и то далеко не лучших, и неслыханная доселе в русской поэзии жесткость в последовательном развитии сюжета, – все это было немного чересчур, немного больше, чем дань знаку Девы.

Общий смысл был таков: некий юный живописец, А. Ильенков, рвется не столько к славе, сколько к собственно таланту. Зрение героя обостряется, и он, оставляя по ходу эскизы, наброски и готовые холсты, все шире раскрывает глаза. Этого оказывается недостаточно, и он, представьте себе, отрывает себе веко. Следует краткая вспышка света, особенно замечательная своей краткостью. Бред какой-то.

Рукопись была отдана Средне-Уральскому книжному издательству (СУКИ) на рецензию, и вскоре рецензент навсегда с нею исчез. По словам главного редактора, это был первый случай в истории издательства. Я испытал сильное ми-

стическое переживание и летом 1993 года приступил к реставрации книги. Возникли трудности. Во-первых, имелся лишь один экземпляр машинописи (эстетическому чувству претило низкое качество даже второго подкопирочного экземпляра); он-то и исчез. Во-вторых, там имелся ряд ранних стихов, впоследствии автором переработанных, и иногда весьма радикально – так, что от первоначального варианта оставался только стихотворный размер, а иногда и тот менялся. Работа велась на различных мятых бумажках, которые после перепечатывания летели в печь. Потом многие говорили мне, что они об этом думают. Я знаю.

Вторая редакция книги содержала, в сущности, совсем другие стихи, чем первая. А коли так, то ее объем и композиция тоже претерпели изменения. Двадцати шести лет я стал не в пример умнее, нежели был двадцати трех, и счел громоздкую и жесткую композицию первого «Века» декадентством едва ли извинительным. Книга похудела, ее патолого-живописная специфика смягчена умиротворенными и общедоступными картинками умирающей природы, общества и мышления. Поэтому отпала необходимость перед каждой главой ставить подробный прозаический комментарий в духе «Новой жизни», а если подумать, то «Земли в снегу». Сам эпизод отрывания века исключен из книги как сандистский. Собственно ее можно было и не называть «Веко», но она была уже как бы гвардейская, и ей присвоено имя героически затонувшей первой версии.

1993

К тридцати шести годам я не очень поумнел по сравнению с двадцатью шестью, и решил – умри, Андрей, лучше не сделаешь! Однако я на всякий случай еще раз переработал рукопись и до кучи заново переписал все стихи. Так что теперь, если бы найти две первые редакции, можно было бы печатать «Веко», «Веко-2» и «Веко-3» как три самостоятельные. Думаю этим со временем заняться.

2003

Заниматься этим раздумал. Хватит переписывать историю! Появилась вероятность, что книга вскоре выйдет. Но вовсе не в серии «Литературные памятники», как все, наверное, думали.

2017

«Я шел за любовью из кухни протеста...»

Детский ад

«Я встал сегодня как обычно...»

Я встал сегодня как обычно
И замер, выглянув в окно:
Трещал мороз и мелодично
Стальное пело полотно.

Таинственной исландской дымкой
Поверх бетонного моста
Парил мой город невидимкой,
И как казалось – неспроста:

Ему являлась чья-то милость
Часа в четыре или пять,
Но ничего не изменилось
И люди продолжали спать.

Когда ж проснулись – было тихо,
Быть может, только в вышине
Еще последняя шутиха
В искристый рассыпалась снег.

Спектакль от зрительного зала

Закрылся занавесом дня,
А мне до вечера казалось:
Там было что-то про меня...

«В эту ночь не уместиться...»

В эту ночь не уместиться,
Даже если сгоряча
Прокричать печальной птицей,
Плоть из форточки меча.

Ночь душна, и все едино
Не вместиться в этот пруд,
И тебя, как Буратино,
Волны в кружечке несут.

Вот и звезды догорели,
Скоро дворник Берендей
Закричит: «Офонарели,
Накидали тут людей!»

Ночь как печь, уже ученый,
Что ж ты медлишь, Колобок,
На лопате закопченной,
Черенок тебе в лобок!

Может, это не о смерти,
А совсем наоборот?
Но попробуйте проверьте —
Вдох зашкаливает рот.

Стрядания

Шестнадцать лет. Пушковый лен
Пунцов до кончиков волос.
На десять жизней навлюблен —
И ничего не довелось.

От ванны до саванны – шаг,
И кафель из электроплит,
И я, противный, как ишак,
С тоской из зеркала глядит.

И нет спасенья от жары,
Как только шторы до темна,
Пока внизу от кожуры
Освобождается весна.

Познай их, лежа на боку,
И вновь умри от маеты,
Пока внизу они в соку
И беспризорны, как цветы.

И я не трус отнюдь, но чуть
Увижу смуглый локоток,
Меня стегает плетью ток,
И я умру, увидев грудь.

Я душной ночью городской
Парю над мерзостью мирской,
На подоконнике молясь
При двух свечах бессонных глаз.
Глухая ночь, давно бы спать,
Но снизу снова чью-то мать,
И хулиганочка одна
Идет-бредет, пьяным-пьяна.
Окурок пишет полукруг,
И спотыкающийся стук,
Трикатным эхом разносим,
Сменяем шорохом босым
Неверных ног... О, я, как гад,
Обняться с ними был бы рад!
Сейчас бы – трезвый, сильный вор —
Я мог спуститься к ней во двор...
И с этой жуткою мечтой
Я укрываюсь с головой.

А утром пыль еще хранит
Следы вчерашних аонид,
Любой свидетельствует – явь!
А сколько их не вижу я!

Но новый день уже горит,
И, не влезая в габарит,
Пылает солнце надо мной,
И все красивы до одной.

Оккупация

1.

Месяц барашком с завистью вниз,
Там за рубашку глупый повис.

Карты кварталов в крапе огней
Капают талым, хочется к ней,

Хочется счастья, в пах головой,
В теплые части, клей тыловой.

– Ви поиграем в шутку кричать:
Щас вас пымаем, тит тфою мать!

2.

Фриц на охоте, он не космат.
Людам охота ходы размять.

– Месяц, бедняжка, что там завис?
Звать меня Машка, ехай на низ!

Месяц заплакал звездами, но
Звезды – заплаты на домино.

Наглая Нюрка, пьяный гараж.
Тихо в дежурке хрусть карандаш.

Сенокос

Сияет солнцем сталь литовки,
Клинок как бритва шепеляв.
И смерть свистит, всекаясь ловко
В колени толстомясых трав.

Они от горести кричали,
Зрачком метался узкий бог,
И только голени торчали
Зеленой щеткой из сапог.

Окрест газона, изнывая,
Асфальт по руслам улиц тек
И раскаленные трамваи
Скакали с гиком наутек.

А дирижер махал неслабо!
За ним, с прожорливым мешком,
Одна понятливая баба
Стояла крепким босиком.

Весна

Все сильнее греет
Солнце с каждым днем,
В небе утро реет
Мраморным огнем.
Пламенем объята,
Выстрелит печаль —
Жутко и приятно
Вздрагивает даль.
Завтра – с юга ветер,
Оттепель, и боль
Жить на этом свете,
На одном с тобой!
Губы любят скупю,
Очи – горячо.
Я ли – этот глупый,
Дышащий в плечо?

«Иду по листьям будто...»

Иду по листьям будто
иду по облакам
чтоб к осени обутым
припасть твоим ногам

лицом в закат унылый
ногами на восток
назвать своею милой
траву и водосток

как съемка из подвала
и пленку засветив
два кожаных овала
уперлись в объектив

«Вот две копейки – простая медяшка...»

Вот две копейки – простая медяшка
В зимние улицы гонит из дома,
Крутится-вертится диск неваляшка,
Сладко под ложечкой сводит истома,

В уши стекло надувает мозаика
Желтых огней «Жигулей» и метели,
Сердце мое, словно пойманный зайка,
Серенький, в ужасе скачет по телу.

Что я окажу тебе – странно и вечно:
Маленький Кай и его королева,
Разве ты можешь быть так бессердечна,
Если услышишь простые напевы?

Что же ты, глупая сволочь, не видишь
Как я люблю тебя тая, страдая?!
Ты ли обрадуешь, ты ли обидишь,
Господи! Дай, чтоб попал не туда я!

Прощание

Слезы и солнце морозного полудня,
Осень мою – ржавью плотницких скоб...
Осени больше не будет, как в Болдино,
Белую крышкой накрылся сугроб.

Долго ли, коротко соль закипала бы,
Туго ли мячик мученья глотал,
Вольно ли было выплакивать жалобы,
Губы сжигая о липкий металл?

Мне ли, большому, не плакать об осени,
Пусть и еще обо мне говорят,
Я ли ее из подъездов обоссанных
Не выносил на руках, как солдат?!

Как я люблю ее! Робость у пропасти
Край стерегла до окончания дня,
Что же вы, люди, все мимо торопитесь?
Нет, я здоровый, оставьте меня...

Железная дорога

Железная дорога под окнами лежит.
Асфальт течет мазутом, ручьями пот бежит.

Стою я на балконе с коробкой папирос.
А мимо проезжает вонючий тепловоз.

Свистит свисточек тонко, снаряд вперед летит,
Отважная девчонка на буфере сидит.

От пыли золотая на чашечке весов.
И я предполагаю, что нет на ней трусов.

И мне смешно и больно, и сразу член встает,
Она рукой мне машет и песенки поет.

Она не будет больше в Пышме пасти коров,
Ее в Шанхае снимут жандармы с буферов,

В цепях заточат в башню за неоплату виз,
А вызовет оттуда какой-либо маркиз,

В притонах Сингапура, в колечках анаши
Лимонными ночами коктейли хороши.

Но поезд едет быстро, везет ее в Китай,

Она мне ручкой машет, кричит «Прости-прощай!»

Прощай, моя Маруся, безмозглый мотылек!
Тебя я не увижу, и член на место лег.

Взмахнув полой халата, опять сажусь за стол,
Включаю вентилятор и ручку грызть пошел.

Слагаю я поэму о ядерной войне,
Ответственная тема, и так погано мне!

Есенина листаю рассеянной рукой,
Но он не помогает в тематике такой.

Я пью цифирь из банки, смотрю в окно, а там
Платформы классных танков везут в Афганистан

И часовой угрюмо сжимает автомат,
Нерадостные думы сейчас его томят.

Пропитан китель потом, письмо прислала мать,
Ему курить охота и стремно умирать.
Окровлены кинжалы, раскалены стволы,
Горят на перевалах груженные «Зилы»,

Гремит бесшумный выстрел, в аду не хватит мест,
Но поезд едет быстро, везет его в Термез.

А лично б я не против поехать бить сейчас

Душманов, сионистов и всех, кто против нас!

Увы – судьба иная поэтам суждена,
И я еще не знаю, как сложится она,

И я еще не вижу далеких перспектив,
Но небо стало ниже и лижет брег прилив,

И вот – волненья волны захлестывают мол,
И, вдохновенья полный, я вновь курить пошел.

Вдыхаю, выдыхаю, словесный пышет пыл,
Бегу блокнот хватаю, но все уже забыл,

Печальная улыбка подохла не беда
В аквариуме рыбка в неволе навсегда

И жизнь скучна как совесть, когда боренья нет,
И снова едет поезд и партизанов нет.

Фортуна

Она не молчит, или просто немая —
Она не моя.
Как всякая женщина, ты понимаешь,
Понятлив и я.

На грубом ветру как луна пожилая
С накрашенным ртом.
Напрасно глазами ее пожираю:
Ей скучно о том...

Ей скучно на лестничной клетке Останкино
Царапать глазки,
Ей скучно со мною, но осень-жестянка
Тоскливей тоски.

Я.

– Взгляни: я могуч, я вылажу из кожи,
Чего же еще?

ОНА.

– Еще – ничего, и уже – ничего же,

Оставь этот счет,
Гармонию алгеброй можно поверить,
Но хаос – увы.
Скрипят бесприютно небесные двери
И двери травы.

Я.

– Скажи, но затем ли Создателю молится
Последний поэт?

ОНА

– Эх ты! А считался еще комсомольцем!
Вить бога-то нет!

Гляжу я на небо – а Бога и нету,
Дозволено все.
Какие поэты! Какие планеты!
Какой я осел!

Отрывок, взгляд и нечто

...Посмотришь сквозь пальцы – и больно невольно,
Как вымыли кальций не винные волны

Давясь, я читал скукотищу для взрослых,
И их проверял, задавая вопросы,
И если мне лгали, я знал, что так надо,
И был для себя хитроглазой наградой.
Мечтал я о дружбе с девчонкой хорошей,
И чтоб до полночи играть с ней в Гавроша,
Однако ребята играли в Чапая,
При этом всех девок за белых считая,
Что скучно и грустно, и лучше бывало
Искать в одиночестве клады в подвалах,
Срисовывать башни и шхуны в альбомы
И изобретать преужасные бомбы

Имел я, как водится, больше, чем стоил,
Но меньше, чем был, несомненно, достоин!
И жизнь я презрел, но она, как ни странно,
Не шла извиняться с упрямством барана,
Наверно, на радость веселым и пьяным
Солдатам, матросам, рабочим, крестьянам.
И вот я баранку кручу наизнанку,
Однако изнанка ломает баранку.
И се: посредине реки на коряге

Смотрю, как чужие проносятся флаги.

В разливе весною, святое и злое,
Все было со мною, да только чужое.
(Здесь речь не о том, что чужие медали
И лавры не дали мне спать, истоптали
Всю грудь замечательных личностей ряшки
Во фраках, толстовках и черных рубашках.)
Умище – бессмертен, но грустно в могиле,
Что жизнь твою проживали другие.

Как косы и челки меня ни кружили,
Чужие девчонки с другими дружили.
И станы чужие – чужими руками
В стихах моих жадных с чужими строками.
Звеня, в темноте растворялись окошки,
Ступали на грунт осторожные ножки.
Удушливым летом фабричной слободки
Двойняшки-сиротки румяны от водки,
Прекрасны и кротки близняшки-сиротки,
Но коротки руки, четверошник робкий!

Поставил на лиру, последний свой фертинг
Отдал за билет лотерейный в конверте:
Лелею и холю, как дулю в кармане,
Надеждой живу, но проверить не манит.
Всю правду хочу про себя я изведать,
Но только не горькую, только не это!
Неплохо с прожженной музой в обнимку

Втихушку печатать души порноснимки,
Но слаще в истерике зависти черной
Рыдать над портретом Есенина...

Эпизоот

Смеются, выставив клыки,
На клетку напирают грудью,
Волчонок мечет огоньки,
И солнце лазает сквозь прутья.

От зноя в полдень врут часы,
Что сталь ломается однажды,
И пахнут кровью их трусы,
И рот окрашивает жажда.

Но даже если люди злы,
Ты зла не видел, будь доволен,
А клетка – что ж! Кругом козлы —
Не быть же хищнику на воле!

Пускай козлы. А вот – коза,
И ей не страшно здесь влюбиться.
Олешек, карие глаза,
Нетерпеливые копытца...

Никто не знал, что вы – враги,
Кому назавтра есть капусту —
Никто не знает. О, не лги,
Что презираешь это чувство!

Еще слышал ли ты свирель,
Которой агница внимала?
Да кстати, и других зверей
Еще ты видел слишком мало.

Революция №999

«Нам у мамы химии...»

Б. Рыжесму

Нам у мамы химии
Всем одно почтение,
Только за стихи мои
Я прошу прочтения.

Не суди по имени
За земными судьями,
Господи, прочти меня
Между строчек суетных,

Между кровью крашенных,
На сметане мешаных.
Ты их жалуй, ряженных,
Не стреляй и бешеных,

Пусть их безобразные!
Это – вещи штучные,
И всегда непраздные,
Оттого и тучные.

Есть у них, у каменных,
С рифмами раскосыми,
Между воплей маминых
Вдохи Твои, Господи.

Утреннее

Я встал. За окнами носом хлюпал
Дождь, загадочное существо.
Он обрадовался и стал глупо
Показывать скучное свое мастерство:
Заполнив пространство и время, промозглый,
Свисая с неба, по людям тек,
Ушами хлопал, без глаз, без мозга,
Шаркал ступнями старческих ног.
По комнатам бегали противные карлики,
Уроды фантазии, аборты строк,
Всю эту нежить элементарную
Дождик смывал – я радостно мок.
Крыши блестели, запахло раскопками
Трои, и тронулся лед наконец.
Так реставрировал город из копоти
Дождь, чистоты слабоумный творец.

Запоздалое признание

«Станешь янки – сделал бизнес,
Иудеем – с обрезанья,
Станешь русским после тризны
Запоздалого признанья,

Выпьешь утреннего снега
Горлом, вспухшим от рыданий,
Задохнувшийся от бега
С похоронками признаний.

Сорок дней любая пьянка,
Ты устал, но стены зданий
Пахнут иодом: где-то ранка
Новой боли непризнаний!

...Ветер взял твой нежный волос
Перенес полукасанье,
Но напрасен прежний голос —
Запоздалое признание...»

– У дверей ее намедни
Ты царапал на листочке,
Но она не будет медлить,
А вот русским – станешь точно.

Поджелудочный мир

ПОЭТ.

Кровью небесной омытые роды
Атомной глотки текли без помех.
Вот я иду по дороге уродов
В город желудка, кривой, как лемех,

Лента дороги глистой из асфальта
Лезет из задницы города, где
В школе злословья за партами фарта
Чада из стада машин и людей.

Я на обочине, я на канате,
Снизу – арена дурацких персон,
Кто-то кричит в упоении «Нате!»,
«Дайте» – прошу я, но спрятался он.

Значит, слышали голос надрывный
Те, кто, рыгая, по улице шли.
В каждой груди расцветают нарывы
Розами воздуха или земли.

Это – отечество социализма,
Где-то тут строится завтрашний рай,
Все хорошо, не хватает лишь клизмы

Вымыть как следует этот сарай!

Если мне станет когда-нибудь хуже,
Солнцем не кану я за океан:
Это – желудок единый верблюжий,
С кашей березовой сопли лиан,

Вы подвязали салфетками флаги,
Ешьте и пейте погуще говна!
И не жалейте об опиофаге...

ЧЕРНЬ (задумчиво).

Он говорит – наша пища дурна...

«Право на любовь записано...»

Право на любовь записано
В альбоме любой дошкольницы
Дубиной народной мудрости
Таких бесхитростных сказок,
Такого дикого ежика,
Которого, хоть он и колется,
Нельзя не погладить, а после
Маме рук не показывать.

В гостях у телеэкрана
Нам жалко дракона последнего:
Единственному экземпляру
Мечом по затылку – можно ли?
Но право на кровь соперника
Понятно немноголетнему
Растению зимних рам
Дороже геройство ложное.

На коже любого цвета
И степени загрязненности
Пишут подкожной тушью,
Стеклами и чернилами
Право на перья и там,
где дымятся горой казенные,
Право испуганных глаз

Закрыться ладонями милыми!

Это право лопаток и пяток
Не век прозябать провинцией,
А голыми божествами
Блистать, обжигая мгновения,
Это право в-четвертых и в-пятых
Все так же быть единицею,
Единственный шанс банальности
Тоже побыть откровением.

Святое право бездарности
Сиять равноценно гению,
Самое человеческое
В ряду человеческих законов,
И самое беспощадное
В процессе осуществления,
Поскольку не каждый все-таки
Умеет убить дракона.

Козлиная песня

Козел сквернословил строфой упругой,
Талантом потел козел,
Качал кочелябой, ревел белугой,
С шипеньем мочил подзол,

Пьянея мартом шел в Пропилеи,
Прополисом ветер пах,
В апреле розы и козы, млея,
Чесали руками пах.

А май звереет, июнь диктует
Цвести и вонять, разведя блядеж.
Козел на флейте слюнями дуэт
И в травы валит с ног молодежь.

На всех балконах в трусах русалки,
Задрнешь шторы – но боже мой! —
Скрипит в потемках диван на свалке —
Ужасен женский любовный вой!

Козел ликует, штанами вертит
Верхом на крыше товарняка,
Твердят колеса: Любить – до смерти —
До полу – смерти – навер – няка.

Скоты и боги, цари и смерды
Поклоны фрикций родятся класть.
Но он лукавит: любить – для смерти —
Какая гадость, какая сласть!

Только

Умные вещи, дубовый коньяк,
Мертвые души.

Леди не движется, Леди Зима,
А ты без перчаток.

Ты понимаешь, что это кино
Только для белых.

Я заподозрил, что эта земля
Только для взрослых.

Ты ошибалась, считая меня
Только для белых.

В грязной харчевне украли часы,
Сутки и годы.

Ты танцевала, а я вытирал
Пятна от взглядов.

Я заподозрил, что ты, как и все,
Только для взрослых.

Мне говорил один умный мужик:
«Будьте как дети».

Но мужиков не пускают на бал.
Что же мы ловим?

Елка в шарах золотых за стеклом
Плавают рыбы

Ты догораешь на выюге – оставь

Пару затыжек

Благовещение

1.

Опиум копится в маках, но только ли?
Запахом яблоков, дынными дольками,

Зноем и потом медовым девическим
Копится опиум геометрически.

Косы расколоты, руки натружены,
Спит комсомолочка, оводы кружатся.

Мамочка, ты не узнаешь сейчас меня,
Милая, как ты, уставшая, счастлива!

Спи напоследок – сегодня до вечера
Станешь непраздна ловцом человечины.

Полниться полно Дахау да ханами:
Ныне горячим и частым дыханием

Сам на картинах, засиженных мухами,
Псом посторонним следы твои нюхает.
Все через край тебе, мамочка меньшая,
Будет немедленно, где бы то ни было,

И, серафим без сравнения славнейшая,
Скажешь: пора, корабли мои прибыли.

2. Первомай

Эх, раз! еще рас-
плещись веселье весеннее!
В полгода раз только раз-
решают на улицах пение!

Талоны на мясо,
бутылок полки,
почти ананасы,
считай, балыки!

В натуре разбиты – и подняты – чары,
И голуби мира воркуют похабно,
Почти, извиняюсь, целуются пары,
В парах алкоголя славяне не зябнут.
Бродяга, рыгая коньяк во фритюре,
сидит колупает себе колумбарий,
целует культу ему мастер культуры
и мент, умиляясь, рыдает, как барин.
Айдайте, ребята, айдайте, ребя-
та, ладно кружочком шарахнемте с нами,
Борис Николаевич, грусть теребя,
короче, заходимте резче за знамя,
за танки на улицах нового Йорка,

за бедного юрика, чтоб полегчало,
раздайте патроны, поручик, икорки —
не «корки», дурак, а икорки сначала!

и жарче чем ярче расцвечивал холод
глоток первомайский рассыпались спички
кассеты скрипят распадаются школы
на струйки звенят по дворам переклички
ВСЕ КОМСОМОЛКИ ДО ХАТЫ ЗАМАНЧИВОЙ!
все до конца демонстрации мальчики

щеки умели с холода
водки фужеры полные
ПЕРВАЯ ТОЛЬКО КОЛОМ
с третьей расплавы волнами
губы с закусками детскими
шлепают жирной помадою
в уши визжат арабески
о, Благодатная, радуйся!

3. Праздник общего дела

Комната в розовых тонах. Окно за глухими шторами.
В процессе возникают мойдодыры, буратины и др. телеперсонажи.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.
Че, уже везут?

МУЖЧИНА (азартно).
Вон тот – ага! Мы знали!
Видишь – первый тут —
Первым шел и в заде.
Этот даст нам всем!
Так-то, братцы! Строем!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.
Три... четыре... семь...

МУЖЧИНА (взглянув на длину процессии, резонно).
Давай сперва откроем?
(открывают и выпивают)

ДЕВУШКА. Мальчики, ура!
...Нет, конечно, горе,
Но три дня с утра
Вопли ораторий —
Нету дамских сил!

ЖЕНЩИНА (язвительно).
Дам прошу наружу.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (слегка окосев).
Я бы попросил...

ЖЕНЩИНА.
Ты проси подружек!!!
Каждая сопля...

ДЕВУШКА (равнодушно):

Уберите громкость.

МУЖЧИНА (основательно окосев).

А что ты думаешь, да! Три рубля

В минуту стоит телесъемка! Две минуты, да?

Ну, считай, и выпил вроде!

ЖЕНЩИНА.

Дыму-то – беда!

Форточку откройте.

Шторы раздвигаются. Мостовая на уровне окна. Множество ног плещет в стекло весенней грязью. Из уличного репродуктора доносится заедание пластинки: «Серафима... Серафима... Серафима... Серафима...»

МУЖЧИНА.

Девушка, закройте, там холодно и шумно.

ЖЕНЩИНА.

В самом деле – по полу тянет, ты простынешь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (в мрачном нигилизме).

Ихними молитвами двадцать лет, как умные!

ДЕВУШКА.

Закуси сосисками, заблюешь простынки.

ЖЕНЩИНА.

Что вы, моя милая, это не сосиски!

МУЖЧИНА.

Телочка духмяная! Мы же не ворует.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (в мрачном нигилизме).

Это их законы мокнут в черном списке!

БУРАТИНЫ (из-под стола):

Наше толкование смысла поцелуев.

ДЕВУШКА (раздражаясь непонятностью):

Врете вы! Конфетами пахнут секса липсы!

МУЖЧИНА.

Брось протесты, маковка! Ты и то протухшая.

МОЙДОДЫРЫ (качая головой).

Срам! Заткните уши плеером, как клипсами!

БУРАТИНО (вылазит и, рыдая, показывает на мебель).

Вот мои родители! Их ведь тоже скушали...

ЖЕНЩИНА (пригорюнившись).

Да, начали десертами в солнечном Артеке

И, как интерьеры, в росте ежечасно...

МУЖЧИНА.

У мартемов родини, а потом на ВТЭЖе...

ЖЕНЩИНА (воодушевляясь).

Но не все потеряно, если есть участок!

МУЖЧИНА.

На участках родини зреют топинамбуры...

ЖЕНЩИНА.

Георгины в стороны мечут листья крепкие...

МУЖЧИНА (мечтательно).

И крыжовник, граждане, прямо килограммами...

ЖЕНЩИНА (заливаясь смехом).

А помнишь, в позапрошлом посадили репку!

Внезапно оглядываются назад: молодые люди торопливо ебутся.

ЖЕНЩИНА.

Мальчики!

МУЖЧИНА:

Девочки!

МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА вместе.

Що же вы робите?!

ЖЕНЩИНА (в ужасе).

Чисто как демоны!

МУЖЧИНА (озадаченно).

Прямо как роботы!

Молодые люди останавливаются.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Мальчики?

Мы уже совсем не мальчики.

Учимся на пять, фарцуем маечки,

Бицепсы качаем снисходительно,

Потому что все автолюбители.

Мы хрустим капустой словно зайчики,

На пальцах литые носим гаечки.

ДЕВУШКА.

Девочки?

Мы уже давно не девочки,

День за днем излечивая немочи

Слабости стыдливости смешливости

Неопрятность визгов и округлостей.

Ночью напиваемся, и – шли бы вы!

Днем поем, печальные я смуглые.

МУЖЧИНА.

Да, но вы ебетесь, мы же – маемся!

ЖЕНЩИНА:

Из последних силушек выбиваемся!

МУЖЧИНА (девушке).

Спой нам свою песенку печальную.

ЖЕНЩИНА (молодому человеку).

Поделись деньгами и отчаливай!

ДЕВУШКА.

Розы живы песней одной

Так же и мы плачем весной:

Сном рождены розы давить,

Обнажены солнце ловить,

Тело давать пьяным от нив,

Передавать, не изменив.

Нежным ногам роз не губить,

Солнца снегам не накопить,

Вьюн целовал лунную тень,

Те же слова – песни не те.

Плачем весной, розы клянем,

Ночью хмельной, медленным днем,

Прямо в пизду слезы со щек,

Щекотно сдуть – что же еще?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.